

М. Ф. Румянцева

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СТАНОВЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Выявлены принципиальные различия дисциплинарного становления и развития историографии и источниковедения как базовых дисциплин исторической науки. Показано, что историография самым непосредственным образом связана со сменой типов рациональности / моделей науки. Основное внимание уделено источниковедению, которое рассматривается как сфера знания, предпосылки дисциплинаризации которой были заложены в российской версии неокантианства, а факторами дисциплинарного оформления стали идеологизация и монометодологизм советской исторической науки.

Ключевые слова: историография, история истории, источниковедение, российское неокантианство, дисциплина / субдисциплина исторической науки.

*Есть такая наука –
источниковедение! Её изучают в
некоторых университетах...*

Б. Н. Ельцин*

В актуальном историческом знании явно наметилась тенденция к поиску новой дисциплинарности, разворачивающемуся на фоне междисциплинарного синтеза и полидисциплинарных подходов, постепенно утвердившихся в исторической науке на протяжении XX века, начиная, по-видимому, с антропологического поворота и становления новой исторической науки. Вероятно, эту свежую тенденцию можно объяснить принципом, сформулированным более ста лет тому назад непопулярным нынче классиком: «Для того,

* Из интервью Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина по поводу мемуаров Струба Тэлботта, американского дипломата, заместителя государственного секретаря США в 1994–2001 годах.

чтобы объединиться, надо сначала решительно размежеваться». В этом русле выполнено настоящее исследование, цель которого – выявить и сопоставить природу дисциплинарности таких базовых дисциплин (субдисциплин) научного исторического знания как источниковедение и историография. Причем, основное внимание я сосредоточу на источниковедении, поскольку история дисциплинаризации историографии представляется вполне очевидной, по крайней мере, – в общих чертах.

Базовое значение для моих рассуждений имеет, естественно, понятие *дисциплина исторической науки*, под которой я подразумеваю «историографически сложившуюся область научного исторического знания, имеющую собственный объект исследования» [24, с. 96].

Исходная гипотеза. Дисциплинарное становление и развитие историографии самым непосредственным образом связано со сменой типов рациональности / моделей науки. Причем, связано настолько, что моменты трансформации дисциплинарного статуса историографии можно, по-видимому, рассматривать как реперные точки смены моделей исторической науки. Напротив, дисциплинарное оформление источниковедения обусловлено спецификой российской (дореволюционной) и советской исторической науки. Соответственно основная *цель работы* – прояснить дисциплинарный статус источниковедения в актуальном историческом знании и наметить направления его перспективной модификации [проблема в таком ракурсе была поставлена: 17].

Дисциплинарный статус историографии: от неклассической к неоклассической модели науки

Необходимое терминологическое разъяснение: здесь я пользуюсь привычным термином *историография*, поскольку именно это понятие фиксировало обретение данной областью исторического знания дисциплинарного статуса. Но вполне осознаю, что в актуальной теоретико-познавательной ситуации этот термин уже не вполне релевантен объекту исследования. При необходимости четкой дифференциации исторической науки (и соответственно – истории исторической науки) и социально ориентированного историописания (входящего в сферу исследования истории исторического знания), в условиях актуализации проблемы

нарратива (и соответственно – истории историописания) считаю предпочтительным наиболее нейтральный и одновременно всеобъемлющий термин – *история истории*.

Общая *схема* развития историографии / истории истории может быть представлена так. В конце XIX в. «история вступила в свой историографический возраст» [14, с. 23]. Эту фразу П. Нора многократно цитируют, поскольку она очень точно выражает суть перехода от классической модели науки (добывающей научную истину, понимаемую как соответствие т.н. объективной реальности) – к ее неклассической модели, в основе которой, с одной стороны, идея исторического разума (В. Дильтей), а с другой, – признание субъективности исследователя, имманентно включенной в полученный им научный результат. В постнеклассической науке идея исторического разума приобретает еще более фундаментальный характер, а утверждение парадигмального характера знания (Т. Кун) и развитие социологии знания с ее представлениями о «социальном конструировании реальности» (П. Бергер и Т. Лукман) ведут в ситуации постмодерна к замещению исторической реальности историографическими конструктами. После кризиса классической модели науки, параллельно с развитием ее неклассической модели начинаются (продолжающиеся по сию пору) поиски неоклассической модели науки, в которой историографическая деконструкция есть обязательное условие осуществления феноменологической редукции [один из аспектов этой проблемы рассмотрен мною ранее: 19].

Эта схема, естественно, нуждается в конкретизации, но вряд ли ее можно оспорить по существу.

На фоне этой, в общем-то несложной, модели обратимся к дисциплинаризации источниковедения. Попытаемся «поймать» момент превращения источниковедения в дисциплину. Конечно, в рамках краткой статьи невозможно проанализировать этот процесс сколько-нибудь подробно, но выделим три возможных направления исследования:

– анализ концепций признанных классиков источниковедения, точнее – тех ученых, которых история источниковедения позиционирует в качестве таковых (в скобках заметим, что присвоение «чужих» классиков – нормальный способ конструирования истории науки; это можно заметить, в частности,

на опыте такой сравнительно молодой науки, как культурология);

– рассмотрение источниковедения как дисциплины преподавания в высшей школе;

– анализ понятия *источниковедение* в рамках истории понятий как одного из активно развивающихся направлений в предметном поле интеллектуальной истории.

Рамки статьи позволяют только бегло обозначить первые два направления и чуть подробнее остановиться на третьем.

«Источниковедение» в Историках

Применим для обозначения весьма широкого круга работ, посвященных методам изучения истории, использованный И. Г. Дройзенем термин «историка» и обратимся к соответствующим трудам «классиков источниковедения». Ряд этих классиков хорошо известен: Дройзен и Фриман, – Бернгейм, Ланглуа и Сеньобос, – А. С. Лаппо-Данилевский [см., напр.: 10]. На А. С. Лаппо-Данилевском можно пока остановиться, так как его часто рассматривают как создателя особой методологии источниковедения, что заставляет предположить, что либо к этому моменту источниковедение уже обрело статус научной дисциплины, либо обретает его непосредственно усилиями А. С. Лаппо-Данилевского.

Бросим беглый взгляд на построения упомянутых предшественников. Первое, что бросается в глаза: источниковедение – точнее, методы обращения с историческими источниками – *имманентно присутствует в структуре методологии истории*. Базовое понятие источниковедения «исторический источник» не сформулировано. Дройзен использует понятие «исторический материал» [6, с. 84 и след.]. Фриман видит свою основную задачу в отграничении *оригинальных источников* от произведений историков – задача скорее методики преподавания, чем научной рефлексии [26, с. 99–118]. Бернгейм определяет исторические источники скорее практически, чем теоретически, как «материал, из которого почерпываются сведения нашей науки» [1, с. 34]. Ланглуа и Сеньобос оперируют понятиями «документ» и «след» [8]. И хотя все эти авторы – с той или иной степенью подробности – описывают методику работы с историческими источниками (в нашем понимании), делают они это по преимуществу с учебными целями: все упомянутые труды – это учебные пособия, что, с точки зрения

источниковедения историографии, необходимо подчеркнуть. При этом классики всегда отграничивали *метод работы с историческими источниками* от *вспомогательных исторических дисциплин*.

Пособием к лекционному курсу является и труд А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», в котором он системно разрабатывает *теорию источниковедения* [9, т. 2, с. 19–391], но для Лаппо-Данилевского источниковедение не самостоятельная научная дисциплина, а часть, пусть и весьма существенная, методологии истории, о чем говорит и название его труда. Но отметим, что специфика российского неокантианства, и не только концепции Лаппо-Данилевского, но и воззрений его предшественника философа А. И. Введенского, а также – в той или иной мере – В. М. Хвостова и И. И. Лапшина, состоит в специальном внимании к объекту исторического / гуманитарного познания – историческому источнику [подробнее см.: 18], что, конечно же, создало предпосылки обретения источниковедением собственного дисциплинарного статуса.

Источниковедения как дисциплина преподавания¹

Этот вопрос мы затронем совсем кратко. Конечно, начало преподавания дисциплины не может не быть определенным этапом на пути ее дисциплинарного оформления, поскольку преподавание требует, как минимум, системности. Но все же, соотношение учебной и научной дисциплины – это отдельная тема [подробнее см., напр.: 7, 16]. Отметим только принципиально важный момент.

Продолжая предыдущий сюжет, в поисках реперной точки дисциплинаризации источниковедения обратимся к менее известным, но также числящимся по ведомству источниковедения работам 1930–1931 гг. – С. Н. Быковского [5] и Г. П. Саара [20] и обнаружим, что авторы видят свою задачу в том, чтобы обобщить уже имеющийся опыт выше названных ученых, включая А. С. Лаппо-Данилевского, с целью познакомить начинающего малоискушенного (если не сказать малообразованного) исследователя, главным образом, с технической стороной ремесла историка. Ни о какой дисциплинаризации источниковедения и речи нет. Примечательно,

---

¹ Благодарю Романа Борисовича Казакова за информационную и консультативную помощь в рассмотрении проблемы становления источниковедения как дисциплины преподавания. К сожалению, мне не вполне удалось ей воспользоваться ввиду ограниченного объема статьи.

как Быковский описывает имеющуюся литературу: «Из работ на русском языке, не исключая переводных, наибольшего внимания заслуживает, из числа старых изданий, коллективный труд Ш. В. Ланглюа и Ш. Сеньобос [так в тексте – М.Р.] «Введение в изучение истории» [...], который из числа дореволюционных изданий я ставлю на первое место. На худой конец заслуживает внимания и работа Э. Бернгейма «Введение в историческую науку» [...]. Гораздо более робко называю обширный курс лекций А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» [...] – труд значительный по своему объему в сравнении с двумя упомянутыми, но чрезвычайно засоренный не идущими к делу, *бесполезными в практическом отношении* [выделено мной – М.Р.], более того, вредными рассуждениями, идеалистическая основа которых вполне очевидна» [5, с. 2]. Конечно, в 1931 г. Быковский не мог симпатизировать «идеалисту» Лаппо-Данилевскому, но все же любопытно, что главная претензия к теоретику источниковедения – *непрактичность* его теоретизирования. Однако, так или иначе изучение исторических источников начинает превращаться, ввиду необходимости редукции собственно методологических и эпистемологических оснований, в самостоятельную область исторического знания, что было закреплено в советской исторической науке двумя учебниками 1940 г. – М. Н. Тихомирова [23] и С. А. Никитина [13].

Итак, в дисциплинаризации источниковедения в России/СССР выделим два фактора: (1) особенности российской версии неокантианства, сосредоточившей внимание на объекте познания, что создало предпосылки для дальнейшего оформления источниковедения в самостоятельную субдисциплину; (2) жесткая идеологизация советской исторической науки, ее методологическая догматичность, заставившие профессиональных историков искать убежище в источниковедении, которое – отчасти в этих целях – отрывается от советского *mainstream'a*.

Источниковедение: история понятия

Понятие *Quellenkunde* распространяется в Германии, по-видимому, в связи с развитием практики публикации исторических источников (здесь нельзя не назвать грандиозный проект *Monumenta Germaniae Historica*) и необходимостью обобщения и универсализации накопленного фактического материала вспомогательных исторических дисциплин (в частности,

дипломатики), опыта конкретных источниковедческих разысканий в 1820-1830-е гг. В 1841 г. А. А. Куник впервые в российской исторической науке употребил термин «источниковедение», заимствовав его из немецкой историографии [см.: 21]. Но в этих случаях под источниковедением скорее понимался обзор исторических источников, чем научная дисциплина. Такой подход во многом сохраняется в европейской исторической науке.

Для того, чтобы выяснить, каким образом осмысливался дисциплинарный статус источниковедения в советской / российской науке, посмотрим, как понятие «источниковедение» определялось в наиболее авторитетных справочных изданиях энциклопедического характера.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона слова *источниковедение* не знает.

Большая советская энциклопедия (1-е изд., 1937) определяет: *источниковедение* – «совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников» [2, стлб. 96].

Толковый словарь Ожегова (1949) – «раздел исторической науки, занимающийся методами изучения и использования исторических источников» [25].

Большая советская энциклопедия (2-е изд., 1953) – «одна из вспомогательных исторических дисциплин, разрабатывающая методы изучения и использования исторических источников» [3, с. 44]

Большая советская энциклопедия (3-е изд., 1968–1979) – «комплексная историческая специальная дисциплина, наука об исторических источниках, теория и практика их выявления, изучения и использования [...]. Частными по отношению к И. являются: И. письменных источников, вспомогательные исторические дисциплины» [4].

Советская историческая энциклопедия (1973–1982) – «главная из вспомогат(ельных) ист(орических) дисциплин, разрабатывает теорию и методику изучения и использования ист(орических) источников» [22].

Таким образом, можно выделить три варианта: раздел науки, комплексная вспомогательная дисциплина, одна из вспомогательных исторических дисциплин.

И, наконец, энциклопедия «Отечественная история» (1996) дает компромиссный вариант: источниковедение – «отрасль исторической науки [...], разрабатывающая теорию, методику и технику изучения ист(орических) источников, уделяющая традиционно наиб(ольшее) внимание письм(енным) ист(орическим) источникам. Тесно связано со вспомогательными историческими дисциплинами» [15, с. 406].

Будучи автором соответствующей статьи, оставляю за пределами рассмотрения «Большую российскую энциклопедию» и приведу последнее по времени определение, сформулированное Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение. ru: «Источниковедение [...] – гуманитарная дисциплина, объект которой — вся совокупность произведений человека / продуктов культуры (эмпирическая реальность исторического мира [...]), а предмет — изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование информации о человеке и обществе в их исторической составляющей» [24, с. 200–203]. Этим определением, вошедшим в новейший терминологический словарь теории и методологии исторической науки, был фактически закреплён статус источниковедения как самостоятельной гуманитарной дисциплины.

О перспективах

В актуальной ситуации мне представляется важным провести своего рода диверсификацию источниковедения. Во-первых, источниковедческий анализ необходимо «вернуть» в *структуру методологии истории*, тем более что различные концепции источниковедения, включая понимание природы исторического источника как базового понятия источниковедения, имеют четкие *парадигмальные* различия [подробнее см.: 24, с. 199–200, 200–203]. Во-вторых, необходимо *зафиксировать дисциплинарный статус источниковедения как субдисциплины исторической науки, имеющей свой объект изучения – эмпирическую реальность исторического мира* [11, 12]. В-третьих, осмыслить источниковедение как *метод научного исторического познания*, базирующийся на осмыслении того, что *система типов и видов исторических источников есть репрезентация соответствующей культуры*. Это положение лежит в основе метода компаративного источниковедения [24, с. 222].

1. Бергейм Э. Введение в историческую науку. – 2-е изд. – М., 2011. – 71 с. [1-е изд. : 1908].
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М., 1937. – Т. 30. – 800 стб.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е изд. – М., 1953. – Т. 19. – 608 с.
4. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3-е изд. – М., 1969–1978. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/91570/Источниковедение.свободный>.
5. Быковский С. Н. Методика исторического исследования. – Л., 1931. – 203 с.
6. Дройзен И.-Г. Историка / пер. Г. Федоровой. – М., 2004. – 584 с.
7. Казаков Р. Б. О программе курса «Источниковедение» 1930-х гг. в Историко-архивном институте // Образ науки в университетском образовании : материалы XVII науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2005 г. – М., 2005. – С. 135–140.
8. Ланглюа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. – М., 1898. – 275 с.
9. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. – М., 2010. – Т. 1–2.
10. Медушевская О. М. История источниковедения в XIX–XX вв. : учеб. пособие. – М., 1988. – 71 с.
11. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008. – 352 с.
12. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX науч. конф. – М., 2008. – [Ч. 1]. – С. 24–34.
13. Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов) : курс источниковедения истории СССР : учеб. для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. – М., 1940. – Т. 2. – 227 с.
14. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб., 1999. – 327 с.
15. Отечественная история : история России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 5 т. – М., 1996. – Т. 2. – 655 с.

16. Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин : учеб. пособие. – М., 1990. – 71 с. : ил.
17. Румянцева М. Ф. Источниковедение историографии: дисциплинарные основания и этический выбор // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика в міждисциплінарному просторі. – Дніпропетровськ, 2014. (В печати).
18. Румянцева М. Ф. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского в контексте русской версии неокантианства // Источниковедение. ru [Электронный ресурс] : страница Научно-педагогической школы источниковедения / редкол. : Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010–2014. – Режим доступа : http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/rumianceva_id/16-1-0-137, свободный.
19. Румянцева М. Ф. Парадигмальный выбор историка как этическая проблема // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2012. – Вип. 11. – С. 67–78.
20. Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. – Баку, 1930. – 174. [2] с.
21. Семерицкая О. В. Журнальный «текст-источник» в историографии и наукотворчестве // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв.–2 февр. 2008 г.: в 2 ч. – М., 2008. – С. 581–584.
22. Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. – М., 1973–1982. – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/7038#sel=4:1,4:14СИЭ>, свободный.
23. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – М., 2014. – 575 с.
24. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. : курс источниковедения истории СССР : учеб. для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. – М., 1940. – Т. 1. – 256 с.
25. Толковый словарь русского языка Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovarus.com/>, свободный.
26. Фриман Э. Методы изучения истории. – 2-е. изд.– М., 2011. – 197 с.

Румянцева М. Ф. Джерелознавство та історіографія в структурі історичної науки: досвід порівняльного аналізу становлення дисциплінарності

Виявлено принципи відмінності дисциплінарного становлення і розвитку історіографії та джерелознавства як базових дисциплін історичної науки. Показано, що історіографія безпосереднім чином пов'язана зі зміною типів раціональності / моделей науки. Основну увагу приділено джерелознавству, яке розглядається як сфера знання, передумови дисциплінаризації якої були закладені в російській версії неокантіанства, а чинниками дисциплінарного оформлення стали ідеологізація і монометодологізм радянської історичної науки.

Ключові слова: історіографія, історія історії, джерелознавство, російська версія неокантіанства, дисципліна / субдисципліна історичної науки.

Roumiantseva Marina F. Source study and Historiography in the structure of science history: experience of comparative analysis of the formation of disciplinarily

Revealed fundamental differences disciplinary formation and development of historiography and source study as basic disciplines of science history. It is shown that historiography is linked with the change of types of rationality / models of science. The main attention is paid to the source study, which is regarded as a sphere of science, which prerequisites of disciplinarily were laid in the Russian version of neo-Kantianism, and factors disciplinary formation of which became the ideological and monomethodological nature of soviet historical science.

Keywords: historiography, history by history, source study, Russian version of neo-Kantianism, discipline / subdiscipline of science history.